

Отзыв

о докторской диссертации И.Б. Беловой “Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные первой мировой войны в России. 1914-1925 гг. (По материалам центральных губерний Европейской России)”. Брянск, 2015.

Научная актуальность написанной И.Б. Беловой диссертации сомнений не вызывает. История участия России в первой мировой войне вообще исследована недостаточно. Положение же с изучением судьбы миллионов вынужденных мигрантов, особенно беженцев, вообще можно признать плачевным; в отечественной историографии этим сюжетам долгое время внимание практически не уделялось. Диссертация И.Б. Беловой по ряду причин стала остро актуальной и в общественно-политическом смысле. Об этом приходится говорить с сожалением. Массированные потоки мигрантов, в том числе вынужденных - заметный и при этом крайне противоречивый фактор жизни современной России. Увы, появились в последнее время и военнопленные.

Своей основной целью докторантка поставила воссоздание целостной картины положения беженцев и военнопленных в Российской империи во время мировой войны и в первые годы после ее завершения. Достижение такой цели потребовало решения ряда конкретных задач. Среди них важнейшими надо признать исследование государственной системы обеспечения нужд беженцев, анализ положения военнопленных, а также реконструкцию отношения советской власти к специфическим контингентам вынужденных мигрантов. Обоснованными представляются хронологические рамки работы: в 1925 г. завершилась депатриация военнопленных и беженцев с территории Советского государства и, в основном, были возвращены на Родину бывшие военнопленные русской армии. Те, во всяком случае, кто от такого возвращения не уклонился.

Постановка ответственных задач потребовала привлечения широкого круга источников. Большая часть из них стала доступной автору в результате длитель-

ной и кропотливой работы в архивах, центральных и областных. Основное внимание было уделено документам канцелярий губернаторов, губернских жандармских управлений, земских и городских управ, губернских и уездных исполкомов. Обстоятельно изучены материалы хранящегося в ГАРФ фонда специального учреждения, регулировавшего положение пленных и беженцев (Центропленбезжа). Широко использовались также опубликованные источники, включая правовые акты, мемуары, дневники, публицистика и пр. Всего автором выделено шесть групп источников, обстоятельный разбор научной ценности которых проведен квалифицированно. Полагаю, что источниковая база вполне достаточна. Она позволила автору хорошо аргументировать основные выводы работы.

Весьма уверенно автор диссертации ориентируется и в сложившейся историографической ситуации. Разбору многочисленных и крайне неоднородных по качеству работ Белова уделила 65 страниц первой главы. Отмечено, в частности, что в работах советского времени проблема беженцев никак не освещалась (с. 28). Однако эту тему затрагивали многие специалисты, занимавшиеся вопросами социальной истории России (А.М. Анфимов, Т.М. Китанина, Ю.А. Поляков и др.). Предшественникам Беловой удалось, например, определить масштаб беженства; докторантка полагает, что указанная в труде Е.З. Волкова цифра в 7,4 млн. человек, может быть признана близкой к истине (с. 31).

Композиция работы проста и понятна. Из пяти глав три посвящены различным аспектам проблемы беженцев первой мировой войны в дореволюционной и советской России, две – анализу положения русских военнопленных и вопросам их возвращения на родину, а также положению военнопленных Четверного Союза в РСФСР. Полезны приложения с помещенными в них документами, иллюстрирующими жизнь переселенцев.

Вынужденным мигрантам (беженцам и принудительно перемещенным) посвящена вторая глава диссертации. Автор детально повествует о разыгравшейся к осени 1915 г. трагедии, когда “великое отступление” русских армий обернулось массовыми потоками беженцев. Военные и гражданские власти России, отмечается в главе, в целом успешно решали трудные проблемы вынужденных мигран-

тов. “До конца 1915 г., - пишет Белова, - беженцы, вынужденно оставившие родные места, были благополучно доставлены в пункты своего временного размещения” (с. 125). Причем “всем беженцам удалось доехать до мест водворения без потерь” (с. 126). Тезис о благополучии всех беженцев выглядит, конечно, сомнительным, но несомненно, что о пострадавших от войны людях в ту пору заботились и администрации, и общественные организации, и церковь. Губернаторы, например, издавали обязательные постановления, воспрещавшие под страхом тяжелых наказаний повышать квартирную плату (с. 130).

В этой же главе рассмотрена деятельность правительственные и общественных организаций по обеспечению нужд беженцев в местах их временного размещения. Исследование показывает: социальная политика правительства в годы войны не была бесплодной, делалось для беженцев немало. Выплачивались пособия и квартирные дотации, велось трудоустройство, оказывались иные формы поддержки. Активно помогали земские учреждения. И о народной благотворительности сказано неплохо. Общая сумма расходов, выделенных государством на помочь беженцам, составила внушительную цифру в 510 млн. руб. (с осени 1915 г. до весны 1917 г.) (с. 157). Неясно только, почему на Калужскую губернию из этой суммы пришлось только 6 млн. руб., ведь, как пишет докторантка, именно там беженцев было особенно много.

Особняком стоит раздел 2.3, посвященный подданным воевавших с Российской государством (автор порой именует их неприятельскими или даже вражескими подданными). Из материала параграфа видно, что та война была гораздо менее жестокой, чем последующие конфликты XX в. Белова приводит, например, сведения, что правительства Германии и Австро-Венгрии через американское консульство выдавали своим подданным в России пособия в 30 и 10 руб. (с. 169). Можно добавить: интернированные турки жаловались в 1916 г. на общественных работах в Воронеже, что они получают только 70 коп. в день, тогда как русские за ту же работу получают 1 рубль. (с. 174). В этом же параграфе сообщается о перемещении из пограничных районов русских подданных немецкой и еврейской национальностей. Их принудительно выселяли за шпионаж или за склонность к

шпионажу. Замечу, что их трагическая судьба нуждается в более глубоком анализе.

Интересен параграф, посвященный положению военнопленных Четверного союза. Здесь представлены важные сведения о правилах содержания пленных в тыловых губерниях России, об использовании их труда, о контактах с местным населением и о многое другом. Из представленного материала видно, что жизнь военнопленных была если не радостной, то и не каторжной. Были и вечерние прогулки с барышнями, и карты, и прочие развлечения (с. 186). Весьма вольно чувствовали себя пленные и на сельскохозяйственных работах. В Воронежской губернии их было в 1916 г. около 20 тыс. (С. 191, 197).

Третья глава посвящена анализу положения бывших военнопленных русской армии после революции 1917 г. Как известно, во время мировой войны в плен попало не менее 2.4 млн. российских солдат и офицеров. Как сообщает И.Б. Белова, около трети из них возвратились в Россию еще в 1918 г. после Брестского мира. Еще миллиону предстояло возвратиться в последующие месяцы (с. 202). В диссертации подробно освещено бедственное положение возвращавшихся из плена соотечественников. Однако вопрос о правах на пенсию (было, оказывается, такое) изложен слишком бегло. Между тем, хорошо бы показать, откуда взялось такое право и как им распоряжались органы советской власти (с. 218).

Любопытен сюжет о репатриации из Франции военнослужащих Русского экспедиционного корпуса, принимавшего участие в боевых действиях на Западном фронте. Кроме того, возвращению на Родину из Франции подлежали десятки тысяч русских военнопленных, переместившихся из Германии после прекращения военных действий. Отмечено, что несколько тысяч соотечественников решили не возвращаться на Родину. Сказано также, что репатриация тормозилась из-за политических разногласий между советской Россией и Францией (с. 225). Но эти вопросы только обозначены. В диссертации приведены сведения об отдельных возвратившихся воинах, но исторического анализа хода и последствий возвращения бывших военнопленных практически нет. Автор повествует об отдельных фактах возвращений, но о чем они свидетельствовали? О том, что кое-кто возвра-

тился в Орел или в Калугу? (С. 226-227). Констатация отдельных фактов, конечно, интересна, но еще более важны их оценки.

Особо выделен параграф о политической работе среди военнопленных. Здесь рассказано о постановке политического просвещения, которое интенсивно повела советская власть с целью привлечения военнопленных к разгоравшейся гражданской войне. В ее ход военнопленные внесли свой характерный колорит. Их миграции (одних – в одну сторону, других – в противоположную) неизбежно влияли на характер и динамику конфликтов, определивших содержание гражданской войны (с. 232). Как полагает докторантка, пропагандистская работа среди военнопленных оказалась малоэффективной. Всего 7 % от числа находившихся в русском плену пошли воевать за красных или белых. Причем в эту цифру включены как добровольцы, так и призванные в принудительном порядке (с. 244). Да и что можно было ждать от культпросветов, если состояли они, как правило, из одного работника? (с. 247). Автор трактует всю эту историю как неуспех пропаганды большевиков. И даже замечает, что условия жизни оказывали на пленных гораздо более сильное влияние, чем коммунистическая пропаганда (с. 247). Но такой вывод следует подкорректировать: условия жизни оказались сильнее и антибольшевистской пропаганды.

В четвертой главе рассмотрены сюжеты, посвященные истории пребывания военнопленных в советской России. Причем исследование доведено до 1925 г., т.е. фактически до завершения кампании по возврату пленных на родину. В главе интересен сюжет о попытках вовлечения военнопленных в революционное движение, благо в России власть пришла к борцам за мировую революцию. Военнопленные представляли своеобразный кадровый резерв для интернационализации революционного движения. Кроме того, военнопленных привлекали к хозяйственным работам, нередко в принудительном порядке, ибо экономическое укрепление советской власти должно было, по мысли большевиков, вести к укреплению положения рабочего класса всего мира (с. 269). Расстройство прежних государственных устоев, отмечает Белова, привело к тому, что военнопленные оказались предоставленными самим себе и довольно свободно передвигались

по Республике Советов. Часть военнопленных все-таки вовлеклась в гражданскую войну. Однако авторские подсчеты этой части нуждаются в более качественном обосновании. Не доказано должным образом весьма ответственное утверждение о том, что бывшие австро-венгерские военнопленные после подавления венгерской революции массово дезертировали из Красной армии, “заявляя, что там должны оставаться лишь добровольцы”. Где и сколько таких заявлений обнаружила диссертантка, остается неясным.

Белова осторожно замечает, что к началу 1918 г. численность военнопленных в России сократилась на 199 тыс. человек (с. 272), включая умерших и отправленных в нейтральные страны. Из текста видно, что заключение Брестского мира не просто “значительно облегчило пленным возвращение на родину”. Только оно и сделало такое возвращение возможным. При этом окончание эвакуации военнопленных затянулось до 1924 г., а венгров и турок даже до 1925 г. (с. 292),

Глава пятая посвящена положению беженцев в 1918-1919 гг. Главное внимание здесь сосредоточено на проблеме возвращения беженцев в родные места. Важным событием в жизни мигрантов стало создание Всероссийского союза беженцев (сентябрь 1917 г.) учрежденного 1-м Всероссийским съездом беженцев (с. 307). К сожалению, сообщение о таком важном событии не связано с предшествующим текстом, посвященным продовольственному положению настрадавшихся людей. Полагаю, что автору следовало подробнее остановиться на деятельности уездных и губернских советов беженцев, просуществовавших до лета 1918 г.

Во втором параграфе этой главы сообщается об учреждении в апреле 1918 г. при Наркомате по военным делам Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбежа) и о роспуске дореволюционных советов беженцев. На местах возникли губернские и уездные учреждения нового ведомства. Они и занялись реэвакуацией мигрантов. Показан драматизм положения беженцев, оказавшихся в условиях революционной разрухи и хаоса гражданской войны. Рекомендации же советских учреждений об оказании элементарной помощи беспорядочно перемещавшимся беженцам “заведомо являлись невыполнимыми” (с. 327).

Зато, как отмечает диссидентка, находились средства на ведение пропаганды и на координацию революционных сил (с. 334).

Завершает основной текст диссертации шестая глава, посвященная положению беженцев в 1920-1925 гг. В эти годы в основном завершилась эвакуация беженцев. В связи с этим вместо управлений по делам пленных и беженцев создавались управления по эвакуации населения. Правда, отмечает автор, поначалу новые органы занялись не эвакуацией, а направлением беженцев на принудительные работы. Центральное место в этой главе все же заняли вопросы возвращения мигрантов в родные места. Показано, что губэваки работали бессистемно, а страдания беженцев были безмерны. Многие из них пытались вернуться домой самостоятельно, что было сопряжено с большими утратами. Интересны сведения о деятельности органов советской власти по возвращению беженцев в получившие независимость государства Прибалтики. Глава повествует о мытарствах, давших основание латвийским представителям оценить порядки в советской России “как бардак” (с. 361).

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что работа И.Б. Беловой проделана большая и результативная. Однако исследование не свободно от недочетов. Часть из них отмечена выше. Кроме того, полагаю, что в более основательном обосновании нуждается проблематика диссертации. Почему военнопленные фактически поставлены в один ряд с беженцами? Ведь очевидно, что статусы беженцев и военнопленных резко отличались как по социальному значению, так и по следу, оставленному ими в истории России. Автор решила объединить две эти очень разные темы в одном исследовании, но убедительного объяснения своему замыслу не дала. Если главным критерием взят признак вынужденного перемещения, то по такой логике и запасные части регулярной армии тоже могли бы попасть в категорию мигрантов, в большинстве своем вынужденных. Попутно поставлен вопрос об особенностях крестьянских переселений из голодающих губерний в Сибирь, хотя и этот сюжет с мигрантами первой мировой войны прямо не связан (с. 343-349). Автор сообщает, в частности, что в Сибирь в 1920-1924 гг.

переселилось 650 тыс. переселенцев (с. 364). Но причем тут мигранты военного времени?

Встречаются ограхи и в композиционном построении текста. Неожиданно указано, например, что в марте 1920 г. уроженцев Латвии, Литвы, Украины и Белоруссии призывали в ряды Красной Армии (с. 351). Эта информация выглядит как случайное, отрывочное сведение.

По определению самой же диссертантки, война превратила в вынужденных мигрантов многомиллионную людскую массу (с. 393). Но на следующей странице осторожно сказано, что на начало 1916 г. в центре Европейской России было зарегистрировано 350 тыс. беженцев. Куда же отправились “многие миллионы”? С подсчетом беженцев требуется большая четкость. На с. 134 сказано, что удельный вес беженцев в Калужской губернии был более значительным, чем в остальных губерниях центральной России, кроме Московской. Между тем на предыдущей странице указано, что к январю 1916 г. В Калужской губернии было 64 тыс. беженцев, а вот в Рязанской – почти 69 тыс., в Курской – даже 79 тыс. В диссертации приведены сведения, что, скажем, в Воронежской губернии из 15 тыс. военнопленных, находившихся тут в конце войны (на самом деле здесь было около 20 тыс.), к 1 января 1919 г. осталось всего 10 человек (с. 284). А на с. 288 сказано, что в ноябре 1921 г. в той же Воронежской губернии находилось 216 военнопленных, причем некоторые с членами семей (по-видимому, с русскими женами). Вообще статистические данные в такой работе должны быть представлены полнее и точнее, желательно в таблицах. В некоторых же приложениях помещены пусть и любопытные, но не богатые полезной информацией материалы.

Историографический раздел выглядит скорее, как добросовестная подборка более или менее подробных аннотаций, но не как анализ научного освоения и развития избранной проблематики. Нет сомнения, автор проявляет незаурядную осведомленность о весьма пестрой тематике современных исследователей, в том числе зарубежных. Между тем, было бы важно проследить, как менялась (или развивалась) историографическая ситуация на разных этапах истории отечественной и зарубежной науки, какими достижениями или утратами это развитие

сопровождалось. В чем, наконец, особенности современной историографической ситуации и что именно побудило самоё диссертантку заняться столь специфической темой? В большинстве случаев диссидентка дает лишь краткое изложение работ А. Курцева, А. Каспяравичуса, К. Вестерхофа или В. Хасина, но не анализирует их. Более детального разбора заслуживает защищенная в 2001 г. докторская диссертация смоленского историка И.П. Щерова, по сути дела посвящена той же теме, что и работа Беловой.

Нуждается в пояснении договор, заключенный с Австрией в 1920 г. в Копенгагене. Автор пишет, что это был договор о возвращении военных и гражданских пленных. Как и кем он готовился? Почему именно в 1920 г.? Сколько таких пленных осталось там и тут?

К более мелким замечаниям отнесу следующее. В работе упомянуты эвакуированные в Калугу служащие Гродненской губернии. При этом сказано, что их жалованье составляло 20-50 руб. в месяц, а жизнь семей была “довольно сносной”. Но в годы войны невозможно было сносно жить ни на 50, ни, тем более, на 20 руб. А добавочный фунт муки в день серьезного значения не имел, если вспомнить, что норма солдатского довольствия по хлебу составляла в день 3 фунта. Сама же Белова сообщает, что пуд картофеля во время войны вырос в цене до 7 руб., десяток яиц – до 3 руб. (с. 140), а четверть куба дров – до 60 руб.

Сомнителен вывод: “Как видно из воспоминаний, жизнь беженцев, расселенных по всей России в дореволюционное время (до октября 1917 г.) стала лучшим периодом их беженской жизни” (с. 163). Документы свидетельствуют, что летом 1917 г. положение беженцев, например, в Бобровском уезде Воронежской губернии стало поистине катастрофическим. Крестьяне не давали им трудоустраиваться в помещичьих хозяйствах, а лишившихся заработков выгоняли из квартир. Губернский комиссар Б.А. Келлер вынужден был напоминать крестьянам об элементарном милосердии, но серьезно изменить положение беженцев был беспомощен. И такая картина наблюдалась не только в Бобровском уезде.

Написана диссертация хорошим литературным языком, легко читается. К незначительным погрешностям отнесу использование заглавных букв, например,

в словах Губернский, Губпленбеж, Центральная власть и им подобных. При этом слово “уездпленбеж” пишется автором с прописной буквы. (с. 234-237, 241 и др.). Порой автор увлекается и уходит в сторону от темы. Например, при освещении проблемы дезертирства и борьбы с ним (с. 239).

Конечно, недостатки сказываются на качестве представленного труда. Но они не меняют общего благоприятного впечатления от диссертации И.Б. Беловой. Еще раз подчеркну, что труд калужской исследовательницы написан на основе вполне самостоятельного анализа оригинальных источников и вносит существенный вклад в историографию таких больших тем, как история первой мировой войны, история революции и гражданской войны в России.

Опубликованные работы и автореферат отражают основное содержание и выводы диссертации с достаточной полнотой.

В представленной диссертации содержится решение крупной научной задачи. Как квалификационная работа диссертация соответствует требованиям п. 9 “Положения о порядке присуждения ученых степеней”, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24. 09. 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ей ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история.

Официальный оппонент
доктор исторических наук

Карпачев
Михаил Дмитриевич

21 марта 2015 г.

